

Приложение: Четыре бессрочные паспортные книжки за №№ 869, 347, 814, 107/3983, один вид на жительство за № 813 и три японских заграничных паспорта.
Ротмистр Иеропесь (8).

1. Соколенко А. В. Взаимодействие ведомств и органов Российской империи в борьбе со шпионажем в Приамурском генерал-губернаторстве до начала русско-японской войны 1904–1905 гг.: особенности и проблемы // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 3(72). С. 157–173.

2. Соколенко А. В. Взаимодействие ведомств и органов Российской империи на Дальнем Востоке в борьбе с иностранной разведкой в 1905–1911 гг. Часть первая // Общество: философия, история, культура. 2016. № 2. С. 42–46.

3. Соколенко А. В. Указ. соч. Часть вторая. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 2. С. 148–158.

4. ГАИО. Ф. 600 (Иркутское губернское жандармское управление. 1890–1917 гг.). Оп. 1. Д. 988.

5. Качкин А. Н. Формирование пеших жандармских команд на Дальнем Востоке России // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. [Электронный ресурс] / Официальный сайт журнала «Теория и практика общественного развития». Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2012/8/istoriya/kachkin.pdf (дата обращения: 29.02.2016).

6. РГИА ДВ. Ф. 1013 (Камчатская пешая жандармская команда. г. Петропавловск-Камчатский. 1913–1917 гг.). Оп. 1. Д. 40.

7. Там же. Л. 2.

8. Там же. Д. 40. Л. 6.

9. Там же. Л. 7, 13.

Н. А. Татаренкова МОЗАИКА СУДЕБ: ИСТОРИЯ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ В ЛИЦАХ

Командорские алеуты представляют собой сложную в этническом отношении группу, сформировавшуюся к концу XIX в. как результат многократных подселений и переселений задействованных в добыче пушнины работников Российско-Американской компании (РАК). Речь идет, главным образом, об «аттинских» и «андреяновских» алеутах, но были также «лисьевские» и представители народа алютик. Потомки последней группы не столь малочисленны, как может показаться на первый взгляд. Значительная часть переселенцев изначально имела существенную примесь русской крови, к этому можно добавить тлинкитскую, зырянскую, татарскую, не исключено, что айную, и многие другие.

Бурдуковские

Камчатские и аляскинские Бурдуковские ведут свой род от Василия Петровича Бурдуковского.

Бурдуковский Василий Петрович (ок. 1754–1842 или 1843).

Известен как лальский мещанин, служивший в Атхинском отделе Российско-Американской компании и с 1805 по 1812 г. робинзонивший на Командорских островах в составе бригады Шипицына.

Василий родился в Лальском посаде Велико-Устюжской провинции Архангельской губернии (позже посад получил статус города в составе Вологодской губернии, сегодня это поселок Кировской обл.) приблизительно между 1752 и 1755 гг. Впервые юноша посетил о. Беринга в возрасте 18 лет (4, с. 182) – т. е. не ранее 1870 и не позднее 1873 г. В эти годы на Командорских островах промышляли 5 судов различных русских промысловых компаний, поэтому вычислить, на каком из них заходил Бурдуковский, не представляется возможным. По семейной легенде, во время этого похода «били еще морских коров» (13, л. 26) и сыровали почки, а также умели истончать шкуру до такого состояния, чтобы делать из нее обтяжку для байдар. Правда ли это? – вполне вероятно. Американский зоолог Л. Стейнегер категорически отрицал тот факт, что промысловик мог видеть живых сирен. Как бы то ни было, Василий знал об этом удивительном вымершем исполине гора-

здо больше, чем любой из командорских старожилов. Даже если предположить, что он не встречал животное лично, юношей он трудился бок о бок с теми, кто знал о морской корове не понаслышке.

В 1790 г. Василий ходил на судне «Св. Иоанн Предтеча» компании Шелихова (мореход Данила Широких) и промышлял на Лисьих островах, а затем – на островах Прибылова (14, с. 80, 641; 30, с. 166–167). В 1793 г. судно разбилось возле о. Св. Павла. Груз был вывезен на галиоте «Св. Симеон и Анна», и не исключено, что Бурдуковский ушел вместе с ним.

В 1805 г. началась известная командорская «робинзоада»: штурман Я. Е. Потапов высадил на о. Медный промысловую артель во главе с байдарщиком Федором Шипицыным, и на протяжении семи лет изолированный архипелаг не посещало ни одно судно. В числе одиннадцати мужчин-промысловиков был и наш герой. Следующий заход судна Российско-Американской компании состоялся только в 1812 г. Первые три года команда промышляла на о. Медном, затем перебралась на о. Беринга, но через год снова вернулась на о. Медный. По одной из версий, во время поездки на о. Беринга бригада оставляла для надзора за добытой пушниной именно Петра. Это утверждение выглядит вполне правдоподобным, но, к сожалению, дальше автор (3, с. 76–77) этого утверждения смешал две истории: робинзоаду Бурдуковского на о. Медном (1 год) и Якова Мынькова на о. Беринга (3 года).

Что именно произошло с Петром в 1812 г., доподлинно не известно. Не исключено, что Бурдуковский был тем единственным вывезенным с острова промысловиком, о котором писал штурман брига «Финляндия» И. Ф. Васильев: «один только из них за болезнью просил меня взять его с собою в Охотск, на место же его выискался охотник из наших промышленников» (8, с. 318). Это объяснило бы, каким образом Василий смог в 1812 г. жениться на алеутке Меланье Петровне, воспитаннице главного тойона Ближних островов Тихона Дорофеевича Голодова. Очевидно, у супругов была очень большая разница в возрасте, поскольку на момент заключения брака жениху было около 58 лет.

В браке родились дети-креолы, из которых доподлинно известны имена только двоих: Петра (1819–1899) и Акулины (ок. 1826–1903). Вероятно, был еще Александр (1830 г. р.) и младший сын Степан. Лисьевский креол Руф Васильевич Бурдуковский выбивается из общего ряда, возможно, причина лишь в том, что он встретил судьбу на других островах и потерял связь с семьей. Создается впечатление, что после смерти мужа Меланья покинула Командорские острова и вместе с младшими детьми отправилась на поиски счастья в восточные земли РАК. Не исключено, что конечным пунктом стал Новоархангельск (совр. Ситка). Но когда дети выросли и обзавелись собственными семьями, некоторые из них решили вернуться.

Жизнь Василия Петровича была долгой и насыщенной. По свидетельству переехавшего в 1847 г. на о. Беринга тотемского крестьянина Федосея Даниловича Волокитина (4, с. 182), старик дожил до 90 лет (по утверждению сына Петра – до 88) и скончался в окружении родных и близких в 1842 или 1843 г.

Возможно, не все истории Василия были правдивы, возможно, обросли легендами и дошли в искаженном виде. В любом случае, это была яркая выдающаяся личность, человек, наделенный ясным умом и недюжинным здоровьем. Василия Бурдуковского можно по праву считать «патриархом» Командорских островов.

***Бурдуковский Петр Васильевич* (1819–1899)**

Петр родился на о. Медном в семье русского промысловика Василия Петровича и атгинской алеутки Меланьи Петровны и по праву считался креолом. Когда мальчик появился на свет, отцу исполнилось 65 лет, а возможно и больше. Со временем семья перебралась на о. Беринга, это произошло не позднее 1830 г.

Как и отец, Петр прожил долгую, насыщенную событиями жизнь промысловика: заведовал отгонами котика, исполнял обязанности старшины острова. Все это время он пользовался большим авторитетом у односельчан и местной администрации (9, с. 47; 41, с. 5; 23). Если кто-то и мог дать исчерпывающую информацию о природе Командор, так это наш продолжатель рода «командорского патриарха».

Один из рассказов Петра Васильевича лег в основу утверждения профессора Норденшельда (2, с. 606) о том, что дата полного вымирания морской коровы должна быть перенесена с 1768 г. на более поздний срок. Петр хорошо помнил рассказы отца, как русские промышленники били гигантов в прибрежных водах и сыровали их почки. Он отчетливо представлял технологию обработки шкуры: для изготовления обтяжки байдар она не расцеплялась, а «худела» (истончалась).

Ему принадлежит и другое опубликованное свидетельство – о том, что в середине XIX в. в районе Командорских островов почти ежегодно наблюдались большие массивы приходивших с севера дрейфующих ледяных торосов. Стейнегер отнесся скептически к обоим утверждениям (4, с. 181–183; 5, с. 17), и напрасно. Климатологические наблюдения Бурдуковского невольно подтвердил К. Хлебников: «Льды [на о. Беринга] приносятся при W и NW ветрах в январе и феврале, иногда очень много» (46, с. 169). Вслед за ним, отмечая изменение направления теплого течения Куроисио, доктор Слюнин отмечал: «...30 лет тому назад (1860-е) зима на Командорских островах была гораздо холоднее; бухта у сел. Никольскаго замерзала до Арьега камня...» (39, с. 37).

Жену Петра Васильевича звали Анисия (ок. 1816 г. р.). Она стала матерью 13 детей-креолов, имена большинства из них известны: Петр (ок. 1844–1909), Анна (1846–1896?, в замуж. Еранская?), Василий (1849–1913), Иван (1851 г. р.), Алексей (1852–1853), Мирон (1854–1915), Самуил (1857 г. р.), Екатерина (1858 г. р., в замуж. Григорьева), Тимофей (1859 или 1862–1898) (14, с. 80; 27; 23).

Петр Васильевич скончался 26 сентября (с. ст.) 1899 г. во время эпидемии кори. Если бы не выкосившая седьмую часть населения островов тяжелая инфекционная болезнь, старик мог бы дожить до солидных лет своего отца.

Волокитины

Все командорские Волокитины являются прямыми потомками тюменского крестьянина Федосея Даниловича Волокитина (?–1853).

Волокитин Федор Федосеевич (ок. 1824–1888)

Федор Федосеевич родился ок. 1824 г. (27; 9, с. 46; 23, Д. 11, 12) в семье русского промысловика и алеутки, вероятнее всего, уроженки о. Атки. Базовое образование мальчик получил в православной школе, организованной на этом острове в 1830-х гг. Приблизительно в это же время в школе учился другой будущий командорец – Яков Хабаров. Становление обоих отроков проходило под чутким руководством священника Иакова Нецветова. По окончании школы Федор поступил на службу в Атхинскую контору и занимал должность писаря. Затем главным правителем (РАК) М. Д. Тебеньковым был определен на Командорские острова.

В 1847 г. Федор вместе с отцом Федосеем и матерью Анной прибыл на о. Беринга. Скорее всего, вместе с ними приехала и молодая жена Федора – креолка Александра Степановна (ок. 1828 г. р.). Но не исключено, что брак был заключен уже на острове.

Первое время Федор Федосеевич состоял писарем при креоле Василии Ефимовиче Березине. Василий Ефимович занимал должность управляющего о. Беринга с 1847 по 1849 г. С 1850 по 1853 г. управляющим был олонекский крестьянин Каргопольского уезда Осип Луговитинов. Следующий срок, с 1853 по 1860 г., отслужил тверской мещанин Андрей Гусев, его сменил тотемский мещанин Алексей Петрович Кузнецов. В скором времени Кузнецова отстранили от дел ввиду «умственного расстройства». И, наконец, с 1862 г. до момента ликвидации РАК обязанности управляющего были возложены на самого Федора Федосеевича.

Одновременно с этим на протяжении 18 лет – с 1847 по 1865 г. – Волокитин являлся старостой беринговской Иннокентьевской часовни (7, с. 13–18). В отсутствие священнослужителя с благословения церкви Федор исполнял службы и нередко крестил новорожденных младенцев (22). В XIX в. это была обычная практика – новорожденных крестили миряне, а через год или два заезжавший на несколько дней батюшка завершал таинство миропомазанием.

За многолетний добросовестный труд Федор Волокитин был удостоен Похвального листа: «По Указу Его Императорского Величества... Духовное Правление с утверждения Его Преосвященства Петра Епископа Новоархангельскаго Сим Свидетельствует, что служащий Компании Креол Федор Волокитин будучи Часовенным Старостою Атхинскаго отдела на о-ве Беринг в продолжении восемнадцати лет, с 1-го Июля 1847 года по 1 Сентября 1865 г., исправлял сию должность честно, беспорочно и с похвалою» (35). В июне 1864 г. Волокитин передал священнику атхинской Николаевской церкви Лаврентию Семеновичу Саламатову покорнейшее прошение об увольнении с должности часовенного старосты (36). Через год просьба была удовлетворена, и должность занял «вольный креол» Иван Иванов (37; 16), заслуги которого перед островом были намного скромнее.

У Волокитиных была большая дружная семья. Александра Степановна родила 10 детей, 8 из которых дожили до совершеннолетия. Имена большинства из них известны: Любовь (ок. 1848 г. р.), Екатерина (1850 г. р.), Анна (1853 г. р.), Елена (ок. 1855 г. р.), Елизавета (ок. 1858 г. р.), Гавриил (1860 г. р.), Олимпиада (1865 г. р.), Александр (ок. 1868 г. р.) и Федор (ок. 1874 г. р.).

Волокитин Александр Федорович I (ок. 1868 г. р.)

Сын Федора Федосеевича Александр, он же Александр Федорович I, вошел в историю Командор как первый алеут (креол), получивший медицинское образование.

В 1877 г., сразу после назначения на должность управляющего, Николай Гребницкий обратился к арендовавшей на Командорах пушные промыслы компании «Гутчинсон, Кооль и К^о» с просьбой. Он настаивал на том, чтобы «на Командорские острова был приглашен фельдшер и заведена аптека, а также выстроено хотя бы небольшое здание для больницы на случай появления заразных болезней» (29). Компания откликнулась на предложение, и весной 1878 г. на острова были завезены медицинские инструменты и лекарства. В этом же году был заготовлен лес для постройки больничного здания. В качестве первого медроботника пригласили петропавловского фельдшера Молодых, на тот момент свободного от занятий. Условия договора были очень выгодными – 1 тыс. серебром в год, но всего после двух месяцев работы Молодых был вынужден покинуть острова, поскольку по распоряжению вышестоящего начальства был вновь привлечен на государственную службу и откомандирован в Охотск. Тогда компания решила пригласить фельдшера Берковича, как только в 1879 г. закончится срок его службы, но тот вскоре умер. Нанимать на работу имевшихся в наличии полуграмотных камчатских фельдшеров компания не желала, а приглашать иностранных специалистов не могла по двум причинам: языковому барьеру и сложностям, связанным с оформлением лицензии на врачебную практику. Командоры по-прежнему оставались без медицинской помощи – ежегодные краткосрочные визиты петропавловского окружного врача не решали проблемы. Такие командировки обычно длились 6–7 дней, и большую часть времени врачи посвящали не пациентам, а собственным естественно-историческим исследованиям.

Гребницкий нашел выход из ситуации. Он предложил обучить двух местных жителей – мальчиков в возрасте от 14 до 16 лет – в любой из фельдшерских школ Восточной Сибири. Курс предполагал 2–3-летнее изучение медицинских дисциплин с сопутствующей практикой в госпиталях. Обучение и содержание учащихся оплачивалось из государственной казны. Морской госпиталь во Владивостоке ответил отказом, поскольку при нем отсутствовала фельдшерская школа, а два практиковавших ординатора из-за высокой загруженности были не в состоянии уделять время обучению подростков. Решено было направить мальчиков в Иркутскую фельдшерскую школу с тем, чтобы по окончании курса они вернулись на острова и заняли должности фельдшеров. Скорее всего, мальчики уехали на обучение в 1883 г., одним из них был Александр Волокитин, имя второго неизвестно.

Отучившись, Александр вернулся на остров и занялся медицинской практикой. Со второй половины 1890-х гг., помимо фельдшеров, на Командорах стали работать приезжие врачи. На какое-то время Волокитин отошел от дел, но в октябре 1918 г., после отъезда фельдшера Антона Михайловича Ткаченко, вновь занял эту должность (25; 23, д. 14, л. 2).

В 1891 г. Александр Федорович женился на Александре (ок. 1873–1917) – дочери петропавловского мещанина Николая Константиновича Гарднера. В 1893 г. Александра Николаевна родила сына Сергея, но малыш умер от менингита в том же году. По всей видимости, других детей у Александра не было. В 1918 г., через год после смерти супруги, Александр обвенчался со вдовой Татьяной Александровной Корсаковской, урожденной Зайковой (ок. 1879 г. р.). На момент заключения второго брака «молодожену» уже стукнуло 50 лет. В таком возрасте оставалось только воспитывать пасынка – сына Татьяны Александровны, Сергея (Ивановича) Григорьева (ок. 1910 г. р.).

Александр Федорович был человеком грамотным и наблюдательным. В 1910 г. он предоставил Е. К. Суворову «ценные сведения» о климатических особенностях Командорских островов (40, с. 9). Вне всякого сомнения, он пользовался большим уважением односельчан и своеобразной симпатией администрации. Вот какое замечание оставил в своей рабочей тетради Николай Гребницкий, удрученный пьянством надзирателя и караульных в пасхальные дни 1896 г.: «Полагаю нанять за Надзирателя Ал. Волокитинова – испробовать его. Lentяй он большой, да и пьяница» (11, л. 37 об.). Между строк читается усталый вздох – всем хорош, но будет ли работать как должно?..

Ладыгины

Самое раннее упоминание о служивших на территории Русской Америки Ладыгиных относится к концу XVIII в. На корабле «Доброе намерение Св. Александры» ходил мореходом Иван Ладыгин. Судно принадлежало Северовосточной Американской компании Шелихова и Голиковых и в 1795–1798 гг. базировалось на о. Атка (с 1799 г. компания изменила название на Российско-Американскую). В этот период Ладыгин вывез группу аткинских алеутов на о-ва Прибылова, и к 1799 г. на

о. Св. Георгия была организована самостоятельная артель по добыче морских котиков (хотя морская связь с Лисьими островами была стабильной, уналашкинские алеуты заменили аткинцев на о-вах Прибылова только после 1820 г.) (1, с. XVI).

Есть основание полагать, что в конце 1820-х гг. на Командорские острова переселилась алеутка Екатерина Ладыгина (ок. 1790 г. р.). С ней был сын Григорий Титович (ок. 1820 или 1816 г. р.) и, возможно, муж, в любом случае, женщина рано овдовела. В 1830 г. Екатерина родила сына Никиту от креола Федора Мальцева, а приблизительно в 1836 г. – Игнатия, отец мальчика неизвестен. В посемейных списках 1866 г. все четверо, Екатерина и трое ее сыновей, проходят под фамилией Ладыгины. Согласно метрическим записям 1863 г. сын Никиты Федоровича Ладыгина-Мальцева Илья также рожден под фамилией бабушки, но в более поздних документах и он, и его старший брат Василий, и их мать Анна Васильевна зарегистрированы как Мальцевы. Это можно объяснить лишь тем, что, овдовев, Екатерина больше не заключала официальных браков.

Ладыгин Терентий Алексеевич (ок. 1879–1928)

Терентий Алексеевич приходится родным сыном Александре Петровне Ладыгиной (ок. 1844–1902). Терентий хорошо помнил старшего брата – Андрея Игнатьевича (ок. 1874–1916) и младшего Алексея. Сестренка Клеопатра скончалась в возрасте 2 лет во время эпидемии дифтерии (т. н. «жабы») 1888 г.

Хотя Александра Петровна и жила на о. Беринга, она не была местной уроженкой и не имела на Командорах кровных родственников. После смерти супруга (говорят, он утонул) дела пошли из рук вон плохо, и женщина откровенно бедствовала. Она жила вместе с детьми в доме Будаковых: спала прямо на полу на расстеленной коровьей шкуре, а длинными холодными ночами укрывала малышей старой поношенной юбкой.

Терентий очень любил свою маму и твердо решил обеспечить ее собственным жильем. Чтобы осуществить задуманное, он поехал на заработки на соседний о. Медный. Медновчане всегда жили зажиточнее беринговцев, к тому же с 1873 г. на острове снова стали появляться морские бобры (9, с. 111; 10, с. 248). Меха этого зверя ценились в 50 раз выше, чем котиковый, и удачная охота сулила богатый приработок. Молодой алеут был ловок и силен и не сомневался в успехе. К тому же, его сердце согревала благая цель – обеспечить самому дорогому человеку безбедную старость.

Но судьба распорядилась иначе. Пока Терентий вдали от дома был занят промыслом, Александра Петровна пошла на кладбище, где покоились муж и дочь. Конец командорского лета славится мягким обманчивым теплом. Женщина присела на землю и не заметила, как застудилась. Она уже страдала чахоткой, затаившейся в доме каждого островитянина, а холод и скудное питание лишь завершили начатое. Александра кое-как добрела до дома Поповых, и силы начали покидать. Она присела отдохнуть... Там ее и нашли на следующий день, совершенно больную. 12 сентября (с. ст.) 1902 г. Александра Петровна Ладыгина скончалась от двустороннего воспаления легких, так и не дождавшись сына.

Вскоре вернулся Терентий – с деньгами и подарками, но той, для кого он так старался, уже не было в живых... Все усилия обернулись прахом, а подарки – ненужной грудой хлама. В глубокой печали он роздал родственникам все, что привез. Но слезами горю не помочь, хочешь не хочешь, надо жить дальше. Терентий оставил принесший столько страданий остров и отправился на Медный.

Деньги еще оставались, и парень решил построить собственный дом. Но одному работать несподручно, да и какой плотник из молодого промысловика? Делал-делал, а как дошел до потолка, руки сами опустились. Встал чуть свет, присел у недостроенного порога, загрустил: никак не справиться. Но так уж устроена жизнь, что к сильным духом помощь приходит, откуда не ожидаешь. Погруженный в мрачные мысли, Терентий не заметил, как к нему подошел пожилой мужчина. Это был Сергей Алексеевич Сушков, отец его будущей жены. Так и познакомились. Старик помог перекрыть крышу, и пока вместе работали, опытным глазом приметил, что парень трудолюбивый и мастеровой, за такого и дочку выдать не грех.

Избранницей Терентия стала младшая дочь Сергея Алексеевича, Юлия Сушкова. На тот момент мачеха Татьяна Александровна уже собиралась сосватать 15-летнюю девушку за приезжего служащего компании – не то русского, не то норвежца. До той поры, пока не посватался Терентий, Юлия подрабатывала у него домработницей. Дом построили большой, добротный, вскоре дождались священника и сыграли свадьбу.

Семья невесты была крепкой и зажиточной даже по медновским меркам. Говорят, Сергей Алексеевич был невероятным везунчиком: сети поставят все, а бобр попадет именно в его. Среди приданого дочерям было даже золото: монеты, серьги, запонки и прочее. С приходом советской

власти Терентий Алексеевич вступил в компартию, и ему предложили добровольно сдать все ценности. Алеут пытался объяснить, что все заработано честным трудом тестя и на Командорах никогда не было места кулачеству, но имущество все равно изъяли и вывезли в город. Юлия Сергеевна никогда не жалела об утрате. Приезжие европейцы всегда насмехались над алеутами, что те не знают цену деньгам и золоту. И это наблюдение справедливо: прошедшие через голод и холод, не раз ощутившие на себе свирепость бушующего океана и разрушительную дрожь земли, испытанные безжалостными эпидемиями островитяне всегда имели только одно мерило – жизнь.

Как-то раз в годы войны Юлия Сергеевна, как обычно, шила платье по заказу – она была искусной мастерицей, и этим зарабатывала на жизнь. Вдруг видит, из старых выкроек выпала золотая 5-рублевая монетка. Подняла, улыбнулась, повертела в руках и оставила показать детям как дорогую памяти безделицу. В сундук не прятала – монетка лежала на виду, и каждый мог ее потрогать. Так никто и не заметил, как диковинка пропала.

У Юлии с Терентием родилось двенадцать детей: Вячеслав (до 1910 г. р.), Евстолия (1910–1944), Клавдия (1911–1916), Анастасия (1913–1916), Терентий (1915–1916), Сергей (1917 г. р.), Валентина (1918–2000), Сергей (предп. 1919 г. р.), Клавдия (1920–?), Олимпиада (1922–?), Анатолий (1926 г. р.) и Вера (1928 г. р.). Маленькие Клава и Настя скончались от дифтерии в декабре 1916 г.; Терентий, оба Сергея и Анатолий тоже умерли во младенчестве.

Вячеслав вырос красавцем и стал первым секретарем комсомольской ячейки о. Беринга. К сожалению, он прожил недолго – утонул в р. Амур в 1926 г. Молодой человек оставил после себя не только светлую память, но и сделанные собственными руками предметы домашней утвари: он много резал по дереву, камню и кости и делал это с большим удовольствием. Тепло рук мастера до сих пор помнят два сохранившихся изделия: старая, но все еще рабочая деревянная скалка (на о. Беринга) и фигурный костяной нож для резки теста (в Санкт-Петербурге).

В конечном итоге утешением для мамы стали пять дочек: Евстолия, Валентина, Клавдия, Олимпиада (домашние называли ее Нина) и Вера.

Евстолия Терентьевна вышла замуж за моториста катера «Сивуч» Индрика Михайловича Гребзде (1893–1938) и взяла на воспитание его сына от первого (гражданского) брака. Матерью маленького Саши (1925 г. р.) была почившая Синклитикия Петровна Голодова (в девич. Худякова). В браке родилось трое общих ребятшек. Все шло замечательно, пока в 1938 г. органы безопасности не увидели в малограмотном слесаре-механике «врага народа». Индрик был арестован и приговорен к расстрелу. После страшной трагедии Евстолия переписала старших Вячеслава (ок. 1927–1961) и Нину (1930 г. р.) на свою фамилию, а младший сын Эрик остался Гребзде.

Валентина Терентьевна стала женой Ивана Матвеевича Вожикова. Ее очень уважали и до сих пор помнят на острове, не меньшим уважением пользуются их дети. Клавдия Терентьевна состояла в счастливом браке с учителем Ильей Федоровичем Махоркиным, семья переехала жить в Ленинград. Олимпиада Терентьевна стала по мужу Алашкиной и тоже покинула острова. А Вера Терентьевна вышла замуж за Александра Александровича Тимошенко и на сегодняшний день остается главным хранителем культуры беринговских алеутов, последним носителем этого диалекта. Роль этой женщины настолько велика, что ей посвящена отдельная глава.

В селе Преображенском Терентия Алексеевича уважали – он был человеком надежным и ответственным. Не зря в 1918 г., еще при А. И. Черском, Ладыгин входил в общественный комитет о. Медного (38, л. 46, 48). Его не раз делегировали на Камчатку. От лица сельского сообщества Терентий вывозил пушнину и продавал либо обменивал ее на продукты питания и товары первой необходимости. Чрезмерная активность и самостоятельность медновчан пришлась не по нраву новой власти. И хотя предпринятые промысловиками меры спасли от голодной смерти не одну жизнь, официально его деятельность осудили. Миф об обещанном самоуправлении стремительно рассеивался, и вчерашних героев выставляли в негативном свете. Тем не менее, несмотря на многочисленные разногласия Ладыгин вступил в компартию.

В 1922 г. Терентий Алексеевич заболел, и семья переехала на о. Беринга. Пролив пересекали на двух груженных домашним скарбом лодках. Больше всего хлопот доставили курицы – самая активная все время порывалась убежать, ее ловили «всем колхозом». Лодки дошли до м. Толстого и благополучно обогнули остров. В с. Никольском Ладыгины разместились в бывшем административном здании компании «Гутчинсон и Кооль». Старый дом американской постройки до сих пор стоит на углу футбольного поля. Сегодня он выглядит довольно заурядно и служит сараем, но в те годы крыша была намного выше, и дом вмещал несколько семей. Заселен был даже чердак. Вскоре после переезда родилась Нина.

В 1928 г. глава семейства умер, и через пару лет семья переехала в домик поменьше, где прежде жила Прасковья Удачина. Этот дом постройки 1883 г. также сохранился до наших дней и официально закреплен за семьей Веры Терентьевны Тимошенко, урожденной Ладыгиной.

После смерти мужа Юлия Сергеевна не заключала официального брака. Ее гражданским мужем стал алеут-промысловик Иван Ермолаевич Ножиков (ок. 1888–1956). Иван Ермолаевич любил детей и заменил им отца. В 1930 г. у Ивана родился сын Борис. Тринадцатый ребенок Юлии Сергеевны погиб в 1949 г. – перегоняли оленей, и в устье р. Буян лодка попала в бары и перевернулась. В семье существовало поверье, что море забирает членов этого рода. Увы, оно очередной раз оправдалось...

Ладыгин Георгий Андреевич (1904–1964)

Георгий родился на о. Беринга в семье Андрея Игнатьевича и Александры Николаевны, урожденной Юрьевой. Поскольку две его сестры 1896 и 1900 г. р. и брат 1902 г. р. умерли во младенчестве, он оказался старшим. Позже родилась сестренка и еще два брата. В одиннадцать лет мальчик лишился родителей: сперва в декабре 1915 г. от воспаления легких умерла его мама, а через два с небольшим месяца не стало отца. Сирот отдали на воспитание в разные семьи. Георгия усыновила вдова Александра Степановича Бурдуковского Дарья Михайловна, урожденная Панькова (ок. 1860 г. р.), а Антона (1915 г. р.) – Анна Федоровна Бурдуковская (ок. 1866 г. р.), вдова его брата Дениса Степановича. Обе бабушки потеряли мужей весной того же злополучного 1916 г. Наталью (1911 г. р.) взяли к себе Парфений Афанасьевич и Агния Ивановна Ножиковы, а когда в мае 1917 г. не стало Дарьи Михайловны, решили забрать и Георгия. Младшего Терентия (1911 г. р.) увез на о. Медный его родной дядя, Константин Николаевич Юрьев.

Мальчику пришлось рано повзрослеть. Приемные родители были добры, но жили бедно. Семилетняя Наташа не справилась с цингой и чуть-чуть не дотянула до первой весенней зелени – в марте 1918 г. девочки не стало. Страшно видеть, когда в мирное время один за другим уходят из жизни близкие тебе люди, а командорские алеуты наблюдали еще более ужасающую картину: на глазах вымирал целый народ. Их народ. Камчатские и приморские чиновники только вглядывались в статистические сводки и разводили руками.

Георгий искренне хотел переломить чудовищную тенденцию. Коммунисты вселили надежду, что мир можно сделать лучше, и он одним из первых вступил в комсомол. Нужно было получить образование, и как только в июне 1928 г. появилась возможность, молодой человек написал заявление с просьбой командировать его на учебу во Владивосток. Ячейка ВКП(б) о. Беринга рассмотрела заявление и постановила ходатайствовать о направлении на рабфак троих командорских промысловиков: Георгия Ладыгина, Алексея Яковлева и Сергея Григорьева (20, с. 68).

Жизненные перипетии ломают слабых, а сильных делают добрее и мудрее. Через свои «огонь и воду» Георгий Андреевич прошел достойно. Как это ни удивительно, он вошел в историю Командор как хранитель народного фольклора. Незадолго до смерти Г. А. Ладыгин успел изложить полную версию алеутской сказки про Ворона лингвисту Г. А. Меновщикову (21). Кроме того, с его слов известны сказка о Вороне-вороненке и ранний вариант поверья о маленьких человечках Чалакаках.

Версию Георгия о крошечных Чалакаках в 2007 г. по моей просьбе пересказала его родственница, Вера Терентьевна Тимошенко: «Чалакаках, похожие на “мамаев”, в шляпах (в данном случае, двустворчатых моллюсков *Megangulus luteus*) – это маленькие человечки. Они живут под камнями, в трещинах и расщелинах скал. Когда Чалакаках видят людей, прячутся, а когда людей нет, выходят. Очень пакостливые. Раньше жители замачивали рыбу и соленое котиковое мясо в речке, мясо завязывали в сеть и опускали в воду. Чалакаках, как только люди уйдут, забирались в сеть и выбирали самые лучшие кусочки, наутро оставались одни кости. Люди удивлялись: неужели это маленькие птички склевали? – нет-нет, это Чалакаках, они шкодливые. Увидят из-за мыса, что люди идут, и прячутся. Но иногда Чалакаках сами приходили туда, где живут люди, – ночью, когда все спят. Приходили с гармошками и шумели, баловались: люди выставляют на улицу обувь и одежду просушиться, а они – кто торбаса наденет на голову, кто что. Такой шум подымали, что даже хозяева просыпались и вместе с ними веселились. Но не все Чалакаках были такие добрые. Некоторые, когда уходили, натягивали нити, чтобы человек, если за ними пойдет, запутался. Чалакаках были везде: и на Беринга, и на Медном» (43, с. 239). Сказку про «мамаев с головой» в свое время записывал Г. А. Меновщиков.

Сын Георгия Терентий (1943–1997) стал продолжателем семейных традиций. Он был опытным промысловиком, отличным рассказчиком и к тому же умел неплохо рисовать. В Алеутском музее хранятся три рисунка Терентия Георгиевича Ладыгина, один из которых можно расценить как автопортрет.

Ладыгин Кирилл Терентьевич (1939 г. р.)

Кирилл Ладыгин родился 26 сентября 1939 г. на промысловом уюже Корабельном. Его родителями были Терентий Андреевич (1911 г. р.) и Анна Ивановна, урожденная Дуришина (1918 г. р.). Родными дедушками являлись Андрей Игнатьевич Ладыгин (ок. 1874–1916) и Иван Ефимович Дуришин (ок. 1882 г. р.), но ни одного из них Кирилл в живых не застал. Поэтому «дедами» считал братьев Хабаровых – Владимира Ивановича (1899–1948?) и Петра Ивановича (1905–1965), последнего называл ласково «дедушкой Петрушей». Родных бабушек заменила: жена Владимира Хабарова Улита Александровна (1903 г. р.) и ее сестра Екатерина Александровна Сторчак (1899 г. р.). Обе женщины были в девичестве Зайковыми, ровно как их старшая сестра, почившая супруга Ивана Дуришина Анна (1884 г. р.). Бабушки воспитали многих медновских ребятишек, какое-то время жил у них и Кирилл.

Когда мальчику исполнилось 3 годика, отец начал брать его в остров. Посадит в заплечную сумку поверх продуктов и – вперед. Алеутские сумки шили сами: кусок брезента, две лямки из шкуры сивуча – вот и вся премудрость. В пятилетнем возрасте он уже жил со взрослыми на промысловом уюже: отец, мать и Петр Хабаров. Отец уходил промыслять котиков-холостяков на Юго-Восточное лежбище, а семья оставалась в избе на Перешейке. Лето, погода жаркая, трава высокая. Гуляют Кирюшка с дедом Петрушей по лайде, рассматривают, какие диковинки принесло прибоем. Вдруг слышат – камешки посыпались. Дедушка показывает куда-то вверх: «Гляди – отец пришел». А тот спешит по тропе и издалека, еще с вершины склона, машет сынишке рукой.

Но настало время поступать в школу, и семья перебралась в село. Ученье давалось с трудом. Закончил два класса, третий до конца так и не осилил. Умение выживать в острове – тоже наука, и отец научил Кирилла всему, что должен знать настоящий промысловик: как смастерить лыжи из выбросной кокорины, как сшить заплечную сумку и торбаса, как сделать посох «'йаагах», для хождения по обледенелым склонам и многому другому. Наставник из отца суровый, что не так – сразу заставит переделывать: «Разве я так тебя учил?» Парень сопит, но работу не бросает. Так потихоньку всему и выучился.

В начале 1950-х гг. пошел в зверосовхоз: научился вести подсчет котиков, ставить ловушки, обрабатывать шкуры. Такая работа была по душе – все понятно и знакомо. Песцов промыслял по всему острову: на Корабельной, Черном мысе, Гладковской, Глинке. Только на Перешейке не довелось – там работали Моисей Аксенов и Михаил Тютерев. Наставниками Кирилла были опытные промысловики: Павел Зайков, Илларион Хабаров и другие, а самым молодым бригадиром – Алек (Александр Сергеевич) Григорьев.

На о. Беринга такое не практиковалось, а на Медном сами сооружали ямы-самоловы: под руководством «стариков» выкапывали яму высотой по грудь и изнутри обшивали ее досками, чтобы песок не нарыл нор, сверху закрывали крышкой и устанавливали специальную трубу с приманкой и автоматическим люком. Заряжать самолловы старались лунной ночью. Случалось, что пурга заставала вдаль от жилья, тогда сами забирались в эти ямы и отсиживались, пока погода немного не утихнет. Забывать песцов без осмотра зоотехника было строго запрещено, поэтому нередко из отдаленных точек приходилось таскать зверей на своих плечах. В мешок входило по пять штук: тяжело, неудобно и песцы добром не даются, а до промысловой избы идти час с лишним. Но куда деваться? И такие приключения – каждый год.

Кирилл застал то время, когда песцовые шкуры мездрили на руках обычным промысловым ножом или остро заточенной столовой ложкой. Чуть позже в обиход вошли станки и самодельные мездрильные ножи, сделанные из изогнутого лезвия косы. Готовые высушенные шкурки приносили в большой промысловый дом на Гладковской. В заплечный мешок входило по 50–60 штук, некоторые считали легкую ношу самой неприятной, но Кирилл был приучен к ней с малолетства. Из Гладковской ценный груз вывозили в Преображенское на «дорке». А уже в селе, в случае необходимости, шкуры дополнительно обезжиривали в большом барабане с пропитанными чистым авиационным керосином опилками. В те годы в районе островов работала китобойная база «Алеут», на берег нередко выбрасывало подранков, и песцы никогда не упускали случая попировать в жирной разлагающейся туше.

Лето было сезоном котикового промысла. Издалека различать котов отец научил Кирилла еще в детстве: у самочек усы беленькие и «носик» остренький, а у секачей и холостяков – притупленный. Зоркий глаз и многолетний навык сразу пригодились. Как и отец, Кирилл стал промысловым разведчиком: едва над гладью океана начинал заниматься ранний июньский рассвет, молодой промысловик брал в руки большой полевой бинокль и шел на смотровые высоты. Он внимательно

изучал, где лежит зверь, идет ли нагон воды и откуда дует ветер, на основании этих наблюдений принимали решение, с какой стороны следует брать отгон.

Разведчиками были и многие другие, но в умении быстро и ловко передвигаться по скалам Кириллу не было равных. Отработавшие на Медном не один сезон «научники» не могли поверить, что алеут доходил от Юго-Восточного до Корабельной всего за 4 часа. Это летом, а зимой на лыжах того быстрее – за три с половиной. Вышел утром с Юго-Восточного, хлебнул на Глинке холодного чая, переночевал на Корабельной, а утром – напрямиком в село. Четыре часа до Корабельной и три – до Преображенки, такая вот арифметика.

Однажды Кирилл попал в лавину – так медновчане называют снежный оползень. Шли за песцами из Жировской на Гладковскую. Только надели лыжи и собрались спускаться, слышат – треск, как будто что-то лопнуло, и снег под ногами поехал... Кирилл хорошо помнил, как наставляли старики, и успел крикнуть: «Всем ноги поджать и не отпускать!» Если ноги выпрямить, лавина непременно закрутит, и тогда уже никто не спасет. Чтобы остаться на поверхности, парни поджали ноги и поехали вниз вместе со снежной массой. Как только движение прекратилось, дружно встали на лыжи и – скорее от этого места. Ноги затекли от напряжения, а запах мокрого камня вперемешку с прелой травой надолго врезался в память, зато все трое остались живы. Приблизительно в те же годы в аналогичный оползень попали солдатики-пограничники – не спаслись. Впрочем, и алеуты гибли под обвалами... Даже если группу возглавляли опытные промысловики, бывали случаи, когда людей утаскивало в море.

Когда в 1969 г. с. Преображенское закрывали, Кирилл лежал с язвой желудка в городской больнице. В с. Никольском зашел к двоюродному брату Терентию: «Пора мне на Медный собираться». – «Какой Медный? Мать твоя уже здесь, сестры. Перевезли всех. Там одни старики остались: Павел Зайков, Иван Иванович Хабаров». В скором времени пограничники отправили на о. Беринга последних. Закрытие отдаленных сел стало платой за блага цивилизации.

Кирилл Терентьевич промышлял котика много лет – пока позволяло здоровье. Работал на о. Беринга, ходил на о. Медный. Последний сезон 1987 г. запомнил хорошо – в том году на Северном лежбище возобновили промысел серенских щенков.

Кашеварила на промысле избраница Кирилла – Неонила Апполиinarieвна Бадаева, бабушка Ненила.

Рассказ Кирилла о Чалакучинах

(Устн. сообщ. К. Т. Ладыгина, 2006, лит. обработка Татаренковой. Чалакучинах – уменьшительно-ласкательное от Чалакаках).

«Чалакучах ночью ходят. Штор в землянках нет, вот они в окна и смотрят. Мать сперва боялась – мы ушли, она одна, а они в окно заглядывают. Но ничего не делают, и мать бояться перестала.

Я начал промышлять на Корабельной еще вместе с отцом. Мать тоже промышляла с нами. Мать завязала рыбу, опустила в яму, камнем от песцов придавила. Утром пришла – нет рыбы, Чалакучинах утащили.

Дело было зимой. Мать говорит (по-алеутски): “Надо сыну сказать, что Чалакучинах – тоже люди. Покажи ему, какие они, пускай знает, пускай людям расскажет”. Отец согласился: “Ночью, часов в двенадцать, пойдем, я тебе кое-что покажу”. Покушали, чай попили. Отец сделал из махорки мелешину (лемешину, жвачку из табака и древесной золы), положил за щеку, и пошли. Заходим (в песцовую кормушку-ловушку) – там песцы бегают. Отец отпер окошечко потихоньку: “Иди сюда, сынок, смотри, это – человек, днем его близко не увидишь, а ночью можно”. Ночь лунная, все видно. Он – как индеец, весь в шкурах. Стоит, мясо кушает. Руки лохматые, глаза сверкают. “А что кислое (мясо) кушает?” – “Природа его такая”. Песцы вокруг бегают, но не лают, не трогают. А он стоит и кушает.

Днем отец говорит: “Пойдем, посмотрим песцовый самолов. Сейчас дойдем до Чалакусах’, (больших) камней на лайде, смотри внимательно, оттуда появится человек. Чалакаках – маленькие люди. Я не обманываю”. Идем, погода хорошая. “Сынок, смотри, идет!” Метрах в пятнадцати остановился, на нас смотрит. “Сейчас его не станет” – “Как не станет?” Мы идем дальше – и точно, его как не было. Следов, на месте, где он стоял, тоже нет.

Пошли промышлять дальше. Промысел окончен – для всех на острове праздник. Старики говорят: “А теперь покажи ему, где они живут”. Это на самой Корабельной, где морошечник, они там в скалах жили. Я покушал морошки, а отец: “Надо торопиться”. Нас было пять человек. Подошли, а там – как кратер от вулкана. Фонарики взяли, начали спускаться вниз. Там из камня как будто лестница. Минут пять спускались. Внизу – как кровати из камня сделаны. Человека два-три или

четыре жили. Шкуры там, чтобы надевать. У них рубах не было – только шкуры. Душно. Поднялись вверх».

До этого места идти далеко. По рассказам Кирилла, бухта Чалакусках' расположена севернее современной бухты Водопадной, в том месте, где ниспадает высокий заметный водопад. В скалах южнее мыса Корабельного находится скрытая пещерка. Если идти по берегу (без учета непроходимости мест) за Корабельной идет первая бухточка с небольшим водопадиком, а следом – Чалакусках' с водопадом. В этом месте в 1950-х гг. брал воду китобой «Алеут» (19; 48).

Тимошенко

Род командорских Тимошенко берет свое начало от приезжего специалиста Александра Александровича Тимошенко (1918–1968), родившегося в с. Казаковский Промысел Балецкого р-на Забайкальского края. Место также известно как Казаковский прииск, поскольку с 1907 г. здесь началась разработка месторождения золота, открытого в 1838 г. В селении располагалась Казаковская каторжная тюрьма – основной поставщик рабочей силы на прииски. Среди отбывавших каторгу были осужденные по политическим мотивам, в том числе матросы броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Одним из них был белорус Тимошенко, дедушка (?) Александра по отцовской линии (в опубликованном списке команды броненосца указан матрос 1 ст. Семен Тимошенко (17, с. 392)).

В 1939 г. молодого человека призвали в ряды Советской армии и направили на Дальний Восток. Сперва Александр служил в Приморье, затем его перевели на Камчатку. Дальневосточный флот был молод во всех отношениях, и знания механика оказались востребованными. Когда началась война, он не единожды писал рапорты с просьбой отправить на фронт, но ему отвечали отказом. Александр инспектировал работу небольших камчатских погранзастав, имеющих собственные плавсредства, и в 1943 г. приехал на о. Беринга. В это время юная Верочка Ладыгина вместе со своей подругой каталась на лыжах. Быстро уставший от ходьбы на лыжах рассудительный морячок-сибирячок позабавил смешливых девчонок. Так и познакомились, а незадолго до окончания войны поженились.

В 1945 г. А. А. Тимошенко все-таки отправили на передовую. С 9 августа по 3 сентября он принимал участие в войне с Японией в составе 60-го Курильского погранотряда. Александра назначили командиром группы мотористов (44) – обслуживаемые его командой плавсредства осуществляли десантирование российских военных.

В послевоенные годы Александр работал водолазом на Камчатке, его деятельность была связана с разминированием бухт. Позже он инструктировал водолазов в Рыбачьем и Вилючинске. Молодая жена последовала за ним, но вскоре затосковала вдали от родных мест и уговорила мужа вернуться на Командоры. В конце 1940-х гг. у ветеранов Курильской операции была возможность переехать жить в Молдавию, но алеутка отказалась и от этого заманчивого предложения – на своей земле и камни сберегут, а на чужбине и солнце не в радость. Так Александр Тимошенко стал командорцем и продолжил службу на погранзаставе о. Беринга.

Тимошенко Вера Терентьевна (1927 г. р.)

Вера Терентьевна родилась в с. Никольском 26 сентября 1927 г. Ее родители – Терентий Алексеевич Ладыгин (ок. 1879–1928) и Юлия Сергеевна, урожденная Сушкова (1888–1979). Бабушка по отцовской линии – Александра Петровна (ок. 1844–1902). О родне по материнской линии известно значительно больше: бабушкой была Анна Варфоломеевна, урожденная Аксенова (1854 – ок. 1892), а дедом – Сергей Алексеевич Сушков (ок. 1855–1909), прабабкой – Анастасия Михайловна Сушкова, урожденная Лестенкова (ок. 1827–1909), а прапрабабкой – уналашкинская алеутка Ирина Петровна Соломеина (1810–1855). Ее муж Михаил Лестенков был русским промышленником.

Верочка появилась на свет двенадцатой. На следующий год отец скончался, и мама стала женой алеута Ивана Ермолаевича Ножикова (ок. 1888–1956). Брак не был зарегистрирован официально, но какое это имеет значение? – отчим воспитывал всех, как родных. В 1930 г. родился тринадцатый ребенок – сын Ивана Борис.

На плечи старших дочерей ложится груз ответственности за дом, и малышам достается гораздо больше внимания и ласки. Но Верочкиной маме было некогда сидеть даже с младшими – с утра до вечера на ногах. Летом обрабатывала рыбу на оз. Саранном, разделявала до 600 хвостов в день, ее рекорд никто не смог побить. Зимой работала техничкой в районной милиции – куда еще пойти алеутке с двумя классами образования? Юлия Сергеевна хорошо говорила по-русски и хотела учиться дальше. Может, и нашла бы в себе силы, если бы смешливые дочери тайком не заглядывали в мамину тетрадку. Разобиделась и решила: читать-считать умею, на мой век знаний хватит, а жи-

тейской мудрости и так не занимать. Еще мама держала большое хозяйство – одних только дойных коров четыре, а еще курицы, поросята. В «свободное» время она шила – семье, односельчанам, в годы войны еще и на фронт. Так что с Верочкой больше нянчились сестры, особенно Валентина – ведь у старшей Толи, так домашние называли Евстолию, была своя семья, и сын родился в том же году, что и Вера.

Болезть маме тоже было некогда. Каждый день начинался с ароматного запаха маминых лепешек. Зять Индрик Михайлович научил ее делать домашний сыр и взбивать масло. А еще были алеутские пироги с рыбой и сладкие – с ягодами. Мама умела готовить все: разнообразные блюда из саранки; припасенную на зиму красницу, плотно уложенную в «пузырь» сивучонка санх'ух'; подвяленные нерпичьи «косички» портёнкис; «сапожки» таках' из фаршированных желудочков трески и многое другое. Но не терпела резкого подкисшего запаха и была в еде очень разборчива. Иногда мама баловала деток особыми командорскими «пончиками» из взбитых арьих яиц и икры морских ежеиков. Эти похожие на маленьких пинагорчиков деликатесные шарики казались слаще сахара.

Юлия Сергеевна изумительно готовила и была радушной хозяйкой. Женщины частенько заглядывали к ней на чай или просто заходили поделиться наболевшим. Каждый год приезжали в гости родственники с о. Медного. Двери дома были открыты для всех. За чашкой чая старые алеутки вспоминали бесчисленные истории, смешные и грустные, простые и поучительные, а маленькая Верочка, тихонько спрятавшись в ногах бабушки Аги (Агнии Ивановны Ножиковой), слушала, слушала, слушала... Так, благодаря исключительной памяти младшей дочери, многие рассказы дошли до наших дней.

Мама очень любила всех своих детей, но над младшими хлопотала особенно. По семейной легенде, членов ее рода «забирало море». Поэтому Верочку не пускали одну ни на речку, ни к Непропуску, ни к Орловому камню, ни за ягодой. К тому же двенадцатый ребенок – число библейское, непростое, а Юлия Сергеевна была человеком верующим. Тринадцатого, Бориса, так и не уберегла – утонул в 1949 г., такая же участь постигла в 1926 г. старшего сына Вячеслава. Волей-неволей поверишь в тяжкий рок.

Черты лица у Юлии Сергеевны были мягкие, брови широкие. Старшие сестры переняли больше отцовских черт. А Вера Терентьевна иной раз подойдет к зеркалу: мама, мама, как я на тебя похожа... Вспомнит, как старенькая мама улыбалась: «Ангаг'их нус укаг'асакух», – «ты пришла и принесла мне здоровье». Сколько бы лет нам ни исполнилось, мы мысленно обращаемся к своим предкам, спрашиваем их совета, делимся сокровенным – особенно с теми, чьи черты ощущаем в себе.

Жизнь обеих была светлой, и в то же время непростой. В начале века, какой бы благополучной ни была семья, холод и болезни уносили одну жизнь за другой. С приходом советской власти быт начал налаживаться, возобновились поставки продуктов и товаров первой необходимости. Но что значит, стало лучше? До войны выделяли в месяц по одному мешку угля (50 кг) на семью. Уголь на тачках сами перевозили с пирса. А что такое 50 кг на 5 а то и 10 человек? – при самом экономном расходовании не хватит даже на полмесяца. Это только на то, чтобы приготовить покушать, об отдельном отоплении дома даже речи не идет. Однажды старшая сестра Юлии, медновчанка Олимпиада Сергеевна Сушкова, вспоминала, как сделали на день рождения самый богатый подарок – принесли две чурки дров. Люди выходили из положения – готовили сообща то у одних, то у других, спали в одной избе – там, где натоплено. Родственники нередко приходили к Ладыгиным на ночевку. В годы войны стали выдавать уже по полтонны, можно было нормально обогреть дом.

Школьные занятия из-за холода тоже однажды переносили в соседнее здание, ведь школа находилась с старом здании ЦПШ американской постройки. Но больше запомнилось другое: мудрые наставники, которые, если и бранили, то за дело; топившая печь техничка Прасковья Александровна, раздававшая на большой перемене горячий чай с карамельками; школьный учитель рисования Яков Худяков, делавший вместе с приезжим зоотехником Еленой Дмитриевной Ильиной чучела птиц и, конечно же, переменки, во время которых мальчишки убегали на лайду и собирали «алеутские семечки»-чимиги (литторины). Принесут полную банку, а технички во время урока их на печке сварят – вот вам и лакомство. Вера не ела ракушки и не любила морских ежеиков, но все равно это было здорово! А однажды в октябре подошла волна цунами. Когда хлынула вода, ребята сидели на уроках. Волна, как обычно, ушла в долину, и никто не пострадал, зато после на берег выбросило много кусочков серы. Их собирали и отдавали учителям, а те отправляли дальше в город. Еще работал клуб, там ставили пьесы Островского...

Когда началась война, Вера Ладыгина перешла в 6 класс Никольской семилетней школы. Она хорошо помнит этот день – не так, как описывают в современных источниках. Страшная но-

вость достигла Командор только к утру понедельника. В комнату, где занимались дети летнего пришкольного лагеря, вошла учительница Вера Федоровна: «Война началась...», – и голос захлебнулся в наступившей тишине. Жителей села собрали возле клуба – только взрослых, детям там было не место. Для командорцев война началась 23 июня 1941 г., а закончилась 2 сентября 1945 г.

Физкультуру и военную подготовку преподавал Леонид Устинович Расламбеков. Тогда уже не смотрели, мальчик ты или девочка – у каждого был свой противогаз. И в каждом доме противогаз, за этим строго следили. Все село было изрыто окопами, в которых надлежало укрываться гражданскому населению. Даже на берегу, где сейчас мемориальный комплекс, был окоп, и на Входном Рифе, и в верховье Каменки. А в ложине, где сейчас огороды, оборудована специальная площадка. Там стояло чучело, на котором школьники отрабатывали навыки ведения штыковой атаки и рукопашного боя. Каждая девчонка должна была уметь выхватить винтовку и поразить «негодяя». Заучивали и передавали от сопки к сопке сигналы флажного семафора. А по вечерам совершали марш-броски до Северного или Саранного – где бегом, где ползком, уже по темноте. Подростков учили различать по гулу летящие самолеты: штурмовики, бомбардировщики, разведчики. В небе над Командорами появлялись в основном союзники, но нужно было быть готовыми к любому повороту.

В июле 1943 г. Вера Ладыгина стала свидетелем странного инцидента, когда самолет летел так низко, что алеуты открыли по нему огонь, и один из двигателей задымился. Он накренился и, чтобы избавиться от боезарядов (?), взял курс на о. Топорков. Четыре фонтана поднялись в небо, и «Каталина» развернулась на оз. Саранное. Когда подоспели пограничники, второй гидроплан успел забрать и вывести экипаж. В 1991 г. поисками затонувшего самолета пытался заниматься А. К. Шопотов, но цель экспедиции была иная, поиск вели мимоходом, «между делом», и он не увенчался успехом. К тому же, поисковая группа не опрашивала оставшихся в живых свидетелей.

Выпускников школы направляли кого куда. Вере Ладыгиной всегда нравилась техника, и в 1943 г. по согласованию с КГБ комсомол выдал ей направление на прохождение полного курса радиста. Но судно «Партизан», на котором следовало идти в город, не зашло на остров, и девушку определили учеником радиста на радиостанцию о. Беринга. Начальником радиостанции был Сергей Федотович Ключ, а главными учителями и наставниками – алеуты Семен Дорофеевич Березин (у него был самый высший разряд) и Игнат Гаврилович Бадаев. Затем ее перевели надсмотрщиком на радиоузел и зачислили в штат конторы связи. В 1945 г. Вера Терентьевна получила свою первую зарплату. В этом же году она стала женой Александра Александровича Тимошенко.

В январе 1947 г. Вера с 10-месячной дочкой на руках отправилась на Камчатку, где в то время служил ее муж. Но выдержала недолго, только до ноября – так сильно тянуло домой, что уговорила супруга переехать на Командоры. На острове сперва устроилась кассиром рыбного кооператива, а затем вернулась в Алеутскую контору связи, была телеграфисткой. Но что такое островной узел связи? – маленькое помещение, тут же усилитель, тут же коммутатор, тут же аккумуляторная. Сами делали растворы, заряжали аккумуляторы. Главное было вовремя включить трансляцию. Холодно, электричество только до 10 часов вечера, а после – маленькие самодельные лампы. Тяжело, но все равно нравилось.

В 1955 г. родился сын Костя, пятый ребенок. Когда Вера вышла с больничного, ее перевели линейным надсмотрщиком: выполняла работу монтера радио- и телефонных линий. В утепленном сарае недалеко от нынешнего здания музея останавливались приезжие специалисты, тогда там были ребята с маяка. Поднимают голову: что такое? – женщина на столбе. А это – монтер Вера Тимошенко. Когда Александр Александрович узнал, запретил – слишком опасно. И она устроилась техничкой и истопником при районной администрации. Угля не было, топили опилками – едва ли такая работа была спокойнее.

Техничкой Вера Терентьевна была недолго: в 1957 г. перешла на должность счетовода, а в 1959 г. стала заведующей районным госархивом, совмещенным с ЗАГС и военно-учетным столом. Эту должность она занимала до 1982 г. Работа архивариуса понравилась не меньше, а может, даже больше, чем технические специальности. Это же не просто документы – за грудой бумаг скрывается живая история, сотни человеческих судеб.

У современных жителей села имя Веры Терентьевны прочно ассоциируется с Днем аборигена и алеутскими песнями. Свою сценическую деятельность она начала еще в школьные годы. Участвовала в театрализованных постановках, вместе с подружкой Марией Бурдуковской пела в хоре. Хором руководил Александр Михайлович Яковлев, это было еще до войны. Приходили все желающие: женщины и мужчины, старики и подростки, местные и приезжие – в те годы было непринято делить на «своих» и «чужих». Пели много и с удовольствием: революционные песни, алеутские народные, а медновчане любили городские романсы.

В 1980 г. после длительного перерыва две пожилые алеутки, Мария Аркадьевна Бадаева и Анна Федоровна Панькова обратились к И. Т. Симакову с предложением поставить национальный номер на алеутском языке. Но идея не нашла отклика, и обиженные женщины на некоторое время оставили затею. Поддержка пришла с приездом на остров В. М. Лондкевича, и 22 апреля со сцены вновь зазвучала «Саранум тайагунис».

Интерес к алеутской культуре резко возрос после того как отдел культуры Алеутского района возглавил профессиональный хореограф В. Н. Нилов. Вера Терентьевна стала одной из первых участниц организованного им национального ансамбля «Унанган». С тех пор она больше не покидала сцену. В 1983 г. «Унанган» гастролировал в Москве, позже посещал Владивосток и многократно выступал на камчатском фестивале «Золотые родники». За личный вклад в развитие сценического искусства, творчества и культуры алеутского народа она награждена в 1997 г. дипломом лауреата премии им. Александра Гиля. Сегодня это незаменимый консультант и участник всех районных и национальных торжеств.

Как и ее мама, Юлия Сергеевна Ладыгина, Вера Терентьевна многое успела в жизни. Ее общий стаж работы составляет более 60 лет. В 1980 г. В.Т. Тимошенко была награждена медалью «Ветеран труда», в 1993 г. – «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», в 2001 г. ей присвоено звание «Почетный гражданин Алеутского муниципального района». Но среди многочисленных наград самым дорогим она до сих пор считает скромный памятный адрес и значок «Отличник погранзаставы» за помощь в охране государственной границы в 1930–1940-х гг.

Трудовая деятельность не помешала ей вырастить шестерых замечательных детей: Галину (1946 г. р.), Владимира (1947 г. р.), Нину (1950 г. р.), Александра (1952 г. р.), Константина (1955 г. р.) и Сергея (1956 г. р.). В 1959 г. Вера Терентьевна награждена Медалью материнства I степени, а в сентябре 2010 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл лично вручил ей грамоту «За чадолюбие и жертвенное материнское служение».

На сегодняшний день Вера Терентьевна является последней из алеутов, свободно владеющих беринговским диалектом. Она консультирует российских и зарубежных специалистов по вопросам алеутского языка и национальной культуры, делает переводы прозы и стихотворных произведений с алеутского языка на русский и с русского на алеутский, проводит встречи и занятия с молодежью. Много лет она возглавляла командорский Клуб старожиллов. Это настоящий кладезь: знаток алеутского фольклора, национальных песен и танцев, а также истории своего народа. Значительная часть моих исторических очерков базируется на ее воспоминаниях, тщательно сверенных с документальными источниками. Это тот редкий случай, когда встречающиеся расхождения почти отсутствуют.

1. [Netsvetov]. The Journals of Iakov Netsvetov: the Atkha Years. 1828–1844 / Materials for the Study of Alaska History. No. 16, Translated, with Introduction and Supplementary Material by L. Black. Kingston, Ontario, Canada : The Limestone Press, 1980. 342 p.

2. *Nordenskiöld A. E.* The voyage of the Vega round Asia and Europe / Transl. A. Leslie. New York : Macmillan and Co., 1882. 756 p.

3. *Pierce R. A.* Russian America: a Biographical Dictionary / Alaska History. No. 33. Kingston, Ontario; Fairbanks, Alaska : The Limestone Press, 1990. 555 p.

4. *Stejneger L.* Investigations relating to the date of the extermination of Steller's sea-cow (Contributions to the history of the Commander Islands. No. 2) // Proc. of the U. S. National Museum. Vol. 7, 1884. Washington : Government Printing Officer, 1885. P. 181–189.

5. *Stejneger L.* The Russian Fur-Seal Islands // United States Fish Commission Bulletin 1896. Washington : Government Printing Officer, 1896. P. 1–148.

6. [Stejneger, Leonard]. Papers, 1867–1943 // SIA.

7. Вьюев И. П., Татаренкова Н. А. Архитектура Командорских церквей // Мат. V междунаrod. истoрич. и Свято-Иннокентьевских чтений. Петропавловск-Камчатский : Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова, 2012. С. 13–18.

8. [Головнин В. М.] Сочинения: Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное в 1807, 1808 и 1809 гг.; В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг.; Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг. М. : Географгиз, 1949. 425 с.

9. *Гребницкий Н. А.* Записка о Командорских островах // Сб. главнейших оф. документов по управлению Восточною Сибирью. Т. 3. Вып. 2. Иркутск : Типогр. Н. Н. Сеницына, 1882. С. 43–125.

10. *Он же*. О современном положении бобрового промысла // Вестник рыбопромышленности: Орган Императорского Российского Общества Рыбоводства и Рыболовства. Т. IX. Вып. 4. 1894. С. 241–253.
11. СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 6. [*Гребницкий Н. А.*] Дневник во время пребывания на о-ве Беринг (1895–1897).
12. Там же. Д. 11. [*Гребницкий Н. А.*] О физиологических процессах женщин
13. [*Гребницкий Н. А.*] Тетрадь с заметками о острове Беринг (1877–1881) // Там же. Д. 5.
14. *Гринев А. В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. М. : Academia, 2009. 672 с.
15. Документальная съемка А. Ю. Ильиной и А. А. Комарова (первичный материал). ООО «Студия Андрея Шемякина» (Москва), июль 2015 г.
16. АКМ НВ 139/11. Донесение в Ново-Архангельское Духовное Правление 29 Мая 1866 г. о принятии часовенного имущества (копия)
17. *Кардашев Ю. П.* Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда. М. : Дом печати – Вятка, 2008. 544 с.
18. ГАКК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 14. Л. 2. [*Колтановский*]
19. Ладыгины. Устные сообщения Кирилла Терентьевича Ладыгина (2006–2012 гг.), Клавдии Терентьевны Ладыгиной (2007–2008 гг.).
20. Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР 1917–1985. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, 1986. 192 с.
21. АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 1305. [*Ляпунова Р. Г.*] Тетради.
22. ЛС. D-28, D-33. Метрики о родившихся и умерших за 1862–1865 гг.
23. ГАКК. Ф. P-220. Метрические ведомости.
24. ААМР. Метрические записи.
25. *Мухачев Б. И.* Александр Иванович Черский // Алеутская звезда. Никольское. 1966. № 76.
26. ЛС. D-26. Ново-Архангельскому Духовному Правлению Народонаселение на Острове Медный за 1866 год по 1-е Января 1867 года
27. Там же. D-33. Ново-Архангельскому Духовному Правлению Народонаселение на Острове Беринг за 1866 год по 1-е Января 1867 года.
28. Там же. D-30. О выбывших из Алеутской Аляскинской Епархии с о. Агту в Камчатскую Епархию на о. Медный в течение прошлого 1872 года.
29. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 471. Об отправлении двух мальчиков с Командорских островов в Иркутск для приготовления их в фельдшера (23 февраля 1882 – 28 декабря 1882).
30. АРГО. Р. 60. Оп. 1. № 2. *Полонский А.* Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год.
31. АКМ ГИ 418/5. Посемейный список 1939 г., о. Медный
32. Посемейный список алеутов о. Беринга, переселяющихся в Уку и малый Ваям – 31 марта 1917 г. с. Никольского на о. Беринга // Рабочие тетради М. А. Членова, переписан в начале 1980-х гг., оригинал утрачен.
33. ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 15. Посемейный список граждан острова Медного села Преображенского на 1-е Января 1935.
34. Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 3. Посемейный список с. Преображенского на 1 августа 1925.
35. АКМ НВ. 139/29. Похвальный лист (копия).
36. Там же. 139/8. Прошение Его Священству Атхинской Николаевской Церкви Свято Иерею Отцу Лаврентию Семеновичу Саламатову, Июнь 1864 г. (копия).
37. Там же. 139/7. Рапорт в Ново-Архангельское Духовное Правление 4 Июля 1865 г. (копия).
38. АКМ ГИ. 537/6. Рапорты и акты по ведению пушного промысла на о. Медном 1917–1921 гг.
39. [*Слюнин Н. В.*] Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. Отчет Д-ра Слюнина за 1892–1893 гг. СПб. : Типогр. В. Ф. Киришбаума, Дворц. Пл., д. М-ва Финансов. 1895. 117.
40. Сокровища Кунсткамеры. Алеуты: какими их увидел В. Йохельсон. / Сост. С. А. Корсун, Н. Ч. Таксами, Н. В. Ушаков. СПб. : МАЭ РАН (ГИПП «Искусство России»), 2001. 100 с.
41. АКМ ГИ. 418/1. Список избирателей. Избирательный участок № 2. Село Преображенское Алеутского района Камчатской области РСФСР по выборам народных судей Алеутского районного народного суда.
42. *Суворов Е. К.* Командорские острова и пушной промысел на них. СПб. : Г.У.З. и З. Департамент Земледелия, типогр. В. Ф. Киришбаума, 1912. 324 с.
43. [*Сулковский П. Г.*] Записка о промыслах на Командорских островах. Извлечена из дел Главного Управления П. Г. Сулковским // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. 3. Вып. 2. Иркутск : Типогр. Н. Н. Сеницына, 1882. С. 3–10.

44. *Татаренкова Н. А.* Ранние метеорологические наблюдения и первая метеостанция Командорских островов // Отчизны верные сыны : мат. XXXII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2015. С. 280–293.
45. *Татаренкова Н. А.* Результаты опроса алеутов Командорских островов в рамках проекта PSP о традиционном использовании двустворчатых моллюсков // Камчатка: события, люди : мат. XXV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2008. С. 232–241.
46. [Тимошенко А. А.] Справка Усть-Камчатского объединенного районного Военного Комиссариата от 10.01.1986.
47. Тимошенко. Устные сообщения Веры Терентьевны Тимошенко (2006–2015 гг.); фотографии и документы семейного архива.
48. [Хлебников К. Т.] Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / под ред. Р. Г. Ляпуновой и С. Г. Федоровой. Л. : Наука, 1979. 280 с.
49. *Членов М. А., Крупник И. И.* Командорские алеуты: особенности формирования и преемственность этнической культуры // Рациональное природопользование на Командорских островах. М. : Изд-во МГУ, 1987. С. 157–166.
50. Яковлевы. Устное сообщение Геннадия Михайловича Яковлева (2011 г.).

Р. А. Татаров
КОРЕННЫЕ НАРОДЫ КАМЧАТКИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА И ФЕНОМЕНА
РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Современные реалии мира политического, этнического и духовного обусловили появление набирающих темп социально-политических, экономических и этнических проблем в разных регионах мирового пространства. Данный факт обуславливает проявление высокой степени заинтересованности со стороны общества к базисной, региональной культуре. Этнокультурный ландшафт интерпретируется в зеркале отражения целостности региональной культуры и привлекает пристальное внимание со стороны научного сообщества. Современное понимание особенностей региональной культуры формирует феномен сложного, многогранного объекта, в котором происходит взаимодействие локальных культур (6). Таким образом, практическое наполнение региональной культуры характеризуется взаимодействием локальных культур и их свойствами, что и предопределяет появление подхода к исследованию данного феномена, учитывая этнические и культурные традиции региона. Для того, чтобы отразить особенности региональной культуры Камчатки, стоит проанализировать основы жизнедеятельности ее коренных народов, которые и формируют этнокультурные, этнорелигиозные особенности данного региона.

Разнообразие народов Камчатки предопределяет использование широкого спектра научно-исследовательских механизмов для выявления характерных черт каждого из народов. Появление эвенов на территории Камчатки датируется периодом начала 1840-х гг. В своей книге известный немецкий ученый, географ Карл фон Дитмар отмечал: «Побуждаемые, вероятно, теснотой родного места, многие из них собрались всей семьей, пробрались через Пенжинский край, заселенный коряками... Сначала (полагают, что впервые они здесь появились лет 9–10 назад) ламуты избегали встречи с чуждыми людьми и всяких заселенных мест из опасения, что они будут прогнаны». Еще до появления в Петропавловске эвены «начали посещать некоторые камчадалские остроги и по вызову местного начальства стали являться к уплате податей (ясака)». Наконец они решились обратиться к губернатору В. С. Завойко лично и прибыли в Петропавловск 2 марта 1852 г. Они обратились к главе региона с вопросом, где выгоднее всего продать добытые охотой шкуры соболей и лисиц. Новые поселенцы были любезно приняты губернатором: «Завойко прикомандировал к ним чиновника». В середине XIX в. численность эвенского (ламутского) населения на Камчатке, по данным Дитмара, составляла 35 мужчин и 37 женщин. Эвены расселились на территории современного Быстринского района, бывшей ранее зоной кочевья для корякских оленеводов. После заселения эвены периодически встречались с кочующими со своими табунами коряками» (2). Характерными особенностями ведения хозяйства у эвенов является охота на пушного и мясного зверя, оленеводство, рыболовство, которые и формируют особенности культуры эвенов.

Современные условия определяют специфику развития культуры эвенов. Так, например, в рамках возрождения культур коренных народов эвены создали ансамбль «Нулгур». Создавали ан-